

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

ЧЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

**ПРОДАННАЯ
ПОЛЬША**

Александр Валерьевич Усовский

Проданная Польша

Серия «Честная история Второй мировой», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49782480

Аннотация

Из всех европейских народов поляки для русских генетически – самые близкие и родные; может быть, именно поэтому мы так остро и болезненно переживаем ту вакханалию демонстративной русофобии, что бушует нынче в высоких варшавских кабинетах. Понятно, что предлогов для неё можно найти предостаточно – меж нашими народами за те тысячу лет, что мы живём рядом, было много всего, чего уж тут греха таить. Но как бы ни менялись политические пристрастия властных элит, что на берегах Вислы, что в Кремле – меж нашими народами никогда не было взаимной ненависти. Поляк и русский – братья по крови, как бы ни подвергали сомнению этот факт те, кому он – нож острый. Братья! В годы Второй мировой в составе вермахта и войск СС было множество национальных частей – латышские и эстонские дивизии, армянские легионы, азербайджанские полки, украинские и грузинские батальоны, калмыцкие эскадроны... Польских частей – НЕ БЫЛО! Никаких! Ни дивизий, ни полков,

ни батальонов, ни рот. НЕ БЫЛО. И это главное, что нужно знать, когда речь заходит о Польше....

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Усовский

Проданная Польша

Истоки сентябрьской катастрофы

ПАМЯТИ НОЯБРЬСКИХ МУЧЕНИКОВ

генерала графа Станислава Потоцкого

генерала Томаша Яна Семянтковского

генерала Станислава Трембицкого

генерала Юзефа Новицкого

генерала Игнацы Блюмера

генерала Мауриция Хауке

полковника Филипа Мецишевского

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пролог

Краков, сентябрь 1989 года

*Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом
и не прячет под ложем – а ставит на подсвечник,
чтобы входящие видели свет;*

*Ибо нет ничего тайного, что не стало бы
явным, и нет ничего сокровенного, что не сделалось*

*бы известным и не обнаружилось бы;
Евангелие от Луки, глава 8, ст. 16-17*

Какая в том году в Южной Польше стояла замечательная осень! Почти без дождей и холодных ветров, ласково-теплая, тихая, багряно-золотая. Сказочная осень – в такую осень хорошо, забравшись в отроги Бескид, с рассвета до полудня бродить по склонам поросших буком и орешником холмов, досыта, допьяна наддышаться прохладным и хрустально чистым горным воздухом. А потом, на уютной террасе маленькой горной харчевни, съесть добротную порцию горячего, огненно-пряного бигоса со свиными ножками, запив ее ледяным «окоцимом». А вечером, нагулявшись до ломоты в коленях, разжечь на открытой всем ветрам площадке над неглубоким ущельем костерок, и, усевшись на необхватные бревна, смотреть на звезды, в невероятном количестве вдруг высыпавшие над головой. И, вглядываясь на север, в прозрачной сгущающейся синеве воздуха различать огни далекого Кракова или Новой Гуты, а может быть – Бохни или Велички, кто знает?

Я люблю Польшу. Я говорю по-польски почти как житель Подляшья, и знаю Краков не хуже обитателя Звезжинца или Казимежа. Я проехал по дорогам Дольнего Шленска больше километров, чем по шоссе и проселкам Тверской области, а в Белостоке или Торуня ориентируюсь уверенней, чем в Смоленске или Брянске. Я отлично понимаю ход мыслей люблинского торговца овощами и знаю, что думает обо мне офици-

антка в придорожном баре в Радоме. Я никогда не чувствовал себя здесь чужим – и даже польская речь никогда не резала мне ухо своими многочисленными шипящими согласными; наверное, просто потому, что на второй день пребывания на польской земле я уже не просто говорил – я даже думать начинал по-польски.

Я люблю Польшу – потому что это страна моих двоюродных братьев и сестер, близкая мне по духу и родная по крови.

Сегодня ставшая мне чужой и враждебной.

Как ТАКОЕ могло случиться? И разве ТАКОЕ вообще возможно?

Я был осенью восемьдесят девятого года в Польше – я видел все это своими глазами.

Это не произошло вдруг в одночасье. Той ласковой золотой осенью я видел, как моих польских братьев начинали исподволь учить ненавидеть меня и мою страну.

Я видел, как оскверняли память о наших павших за Польшу бойцах, как истошно требовали сноса памятника маршалу Коневу в Кракове.

Я слышал, как воем выли о трагедии Катыни нанятые плакальщицы, ежечасно по всем телеканалам демонстрируя все новые и новые «версии» этого события, бессовестно оболгав меня и мой народ.

Своими глазами я видел, как вошедшие в разг ублюдки плевали на военные машины моей страны, и как «ясновель-

можное паньство» учило пятилетних детей грозить им вслед маленькими кулачками.

Я был свидетелем того, как старательно доставали из заросших паутиной подполов истлевшие знамена русско-польской вражды.

Мне было больно видеть, как лили фальшивые слезы по святым мученикам Вариавского восстания – обвиняя в их трагической гибели моих тогдашних вождей, маршалов и генералов.

На моих глазах очерняли мою страну, объявляя ее повинной во всех мыслимых грехах и преступлениях – и делали это нагло, уверенно, безнаказанно. Творили подобное, зная, что моя страна тогда была слаба, что моей страной тогда правили предатели и недоумки, что моя Родина в то время не могла достойно ответить на эти немислимые ранее издевательства, на этот антирусский смрад, которым вдруг резко повеяло в Польше.

Я видел все это. И я свидетельствую – все мерзости, что с той осени восемьдесят девятого и по сегодняшней день говорит о моей стране польское телевидение и радио, пишут польские газеты и журналы – есть планомерная и целенаправленная политика тех сил вне Польши, что уже однажды ввергли эту страну в катастрофу, кровавой осенью тридцать девятого года. И всегда готовы сделать это еще раз – потому что для них Польша всегда была, есть и будет мелкой разменной монетой в большом бизнесе под названием

«мировая политика». Они уже однажды принудили Польшу стать жертвой вселенского военного пожара – и лишь благодаря моей стране сегодня Польша все еще существует на карте; помнят об этом поляки? Семнадцать последних лет их старательно учат об этом забыть.

Мы не позволим им этого сделать.

О том, кто, когда и как превратил Польшу в «локомотив» Второй мировой войны, в ее застрельщика и первую жертву, и кто на самом деле спас ее от окончательной гибели – эта книга.

Глава первая

Как закончилась Первая Речь Посполитая

* * *

Начнем, как водиться, от «сотворения мира» – не из за-
нудства или желания поумничать, а потому, что иначе наш
рассказ об истории российско-польских отношений и о той
роли, которую сыграла Польша в развязывании Второй ми-
ровой войны, будет неполным и недостоверным.

Предвижу недоумение моего читателя – но пусть он мне
поверит на слово, без минимально необходимого экскурса
в историю наших двоюродных братьев по ту сторону Буга
повествование это будет в достаточной степени невразуми-
тельным и фрагментарным. А поскольку цель данной кни-
ги – беспристрастный анализ «польского вопроса» в контек-
сте причин начала Второй мировой войны, корни которого
упрятаны в глубине веков – то автор вынужден принудить
читателя бегло ознакомиться с историей Речи Посполитой.

Но все же, исходя из здравого смысла, опустим в этой гла-
ве те битвы, размолвки и союзы между русскими и поляка-

ми, имевшие место во времена легендарные, в годы правления короля Болеслава Храброго или Мешко I, и вообще опустим «эпоху Пястов». Не станем также расписывать период русско-литовских войн и славное время Грюнвальда, деяния Витовта и Ягайло, как, впрочем, и «польскую интригу» шаек «Лжедмитриев» – оставим это за гранью нашего повествования, ибо тогда сей труд станет объемом с пару томов БСЭ.

Начнем со времен исторически близких и документально достоверных – с того момента, когда, благодаря отчаянному положению Великого княжества Литовского, его вожди принуждены были подписать Акт унии с Королевством Польским и инкорпорироваться во вновь созданное государство – Речь Посполитую. То есть – со времени Люблинской унии 1569 года.

Именно с этого исторического момента и стоило бы, пожалуй, отслеживать историю краха Польского государства – ибо, воспользовавшись крушением государства своего восточного соседа, Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского, последовавшим вслед за поражением в Ливонской войне, ПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА – путем присоединения всех украинских земель Великого княжества, лежавших южнее Припяти, к польской Короне – получила экономический базис для своего абсолютно независимого от польского государства существования. Отняв у Великого княжества Литовского Украину – Киевское и Брацлавское воеводства, то бишь нынешние территории Волынской, Ровенской,

Житомирской, Хмельницкой, Тернопольской, Ивано-Франковской, Винницкой, Кировоградской, Черкасской, Киевской областей – поляки завладели колоссальными ресурсами, огромной земельной собственностью, приятным приложением к которой стало многочисленное и трудолюбивое местное население, «украинцы», то бишь – жители этой новоприобретённой польской Окраины. Здесь поляки впервые почувствовали себя настоящими, подлинными панамы – и именно с этой поры «демократия», в ее шляхетском понимании, стала господствовать в Польше.

Замечу кстати – именно эта «шляхетская демократия» и привела Польшу к закономерному финалу, случившемуся с ней через двести лет.

* * *

Люблинская уния стала следствием военного поражения Великого княжества Литовского в войне против Московии – каковую войну Иван IV отнюдь не планировал перенести на белорусско-литовские земли (как нас уверяют сегодня историки либерального лагеря). За эти военные горести белорусам имело бы смысл винить исключительно свое верховное руководство.

Как знают все школьники, более-менее добросовестно пролиставшие учебники истории, Иван IV Грозный затеял Ливонскую войну ради захвата прибалтийских земель и вы-

хода к морю. И у Великого княжества Литовского, Русского и жамойтского были все шансы остаться в этой войне нейтральной стороной – глядящей на все ужасы и смертоубийства, происходящие на прибалтийской земле, из безопасного далека.

Но в те годы княжеством правил общий с Польшей монарх – в Вильно он звался Жигимонт, в Кракове – Сигизмунд; и посему нет ничего удивительного в том, что Княжество встряло в русско-ливонский конфликт – как известно, поляки отличаются чрезвычайной боевитостью. Кстати, если бы не напористость польско-литовского монарха – то, вполне даже возможно, Ливонская война и не случилась; во всяком случае, у русского царя не было бы к ней повода.

Но литовский великий князь этот повод Ивану IV дал!

В 1557 г. Жигимонт Август решил сделать наместником рижского архиепископа своего племянника Криштофа. Желание понятное и объяснимое. Ливония в эти годы – жалкое захолустье Европы, ее лучшие годы – далеко в прошлом. Пять «вроде бы государств» – Ливонский орден, Рижское архиепископство, Дерптское, Эзельское и Курляндское епископства – образуют некую конфедерацию – в которой порядка не больше, чем в публичном доме во время пожара. Богатые портовые города – Рига (куда очень уж хотел пристроить племянничка Жигимонт Август), Нарва, Мемель и Ревель – гнули свою политику, склоняясь к шведским единоверцам-протестантам и вообще стараясь не иметь ничего

общего ни с католической Польшей, ни с ещё более сомнительной с конфессиональной точки зрения Литвой; ливонские рыцари же, имеющие замки в Курземе и Земгалии – склонны были, наоборот, принять главенство какого-нибудь приличного католического монарха – например, Великого князя Литовского и короля Польского; определенные ливонские круги (из латгальских владетельных баронов, чьи земли были на востоке орденской территории) ничего не имели против суверена в лице Великого князя Московского; одним словом, Орден пребывал в это время в состоянии агонии и полного политического раздвая.

Жигимонт Август настоял на своем требовании – и даже более того; угрожая войной, он принудил ливонский нобилитет к тому, чтобы Ливония заключила союз с Великим княжеством против Московии.

А Ливония, между прочим – данник Москвы. То есть состоит с ней в отношениях вассалитета. Иными словами, действия Жигимонта Августа – прямой вызов Москве со стороны Риги, перчатка, брошенная ливонскими рыцарями в лицо лично Ивану Грозному.

И русский царь эту перчатку поднимает – в 1558 г. он начинает войну с Ливонией. 11 мая 1559 года русские берут Нарву, 19 июня – Тарту, 2 августа остатки орденского ополчения во главе с магистром Фюрстенбергом попадают в плен под Феллином. Ливония де-факто прекращает свое существование.

И вот тут на ее труп набрасывается целая свора падальщиков!

Ливонский магистр Готкард Кеттлер (ставший таковым ввиду пленения «настоящего» магистра) в отчаянии обратился к Жигимонту Августу, как к великому князю литовскому (в конце концов, есть же союзный договор!), обещая за помощь в борьбе с Москвой передать Княжеству часть Ливонии. 31 августа 1559 г. в Вильно Кеттлер подписал с Жигимонтом Августом договор, по которому магистр передал Орден под опеку великого князя. К договору присоединился и архиепископ рижский. В июне 1561 г. литвинское войско вошло в Ливонию. Одновременно на Ливонию напала Швеция и захватила Ревель.

Был заключен договор о переходе под власть Жигимонта Августа Риги. На сейме в Вильно литвинские станы согласились с желанием «земли Лифлянтское з иными паньствы нашими за ровню статися». 28 ноября 1561 г. ливонские послы и Жигимонт Август поклялись в исполнении договора, а 5 марта 1562 года Орден был распущен. Его война стала войной Княжества...

Так желание Жигимонта Августа разжиться землицей и непыльной должностью для племянничка ввергло Великое княжество в тяжелейшую войну, которая покончила с его существованием как суверенного государства.

Русские согласились со сменой противника – и уже в апреле 1562 г. московские войска вторглись в пределы Княжества и разорили предместья Витебска, Дубровно, Орши, Копыля и Шклова, осадили Полоцк – твердыню Княжества на северо-востоке.

Царь собрал огромное войско – согласно белорусским хроникам, едва ли не 280 000 воинов и еще 80 000 обозных человек. Правда, как известно, у страха глаза велики, и реально русские полки пришли в Литву числом менее ста тысяч сабель – но все равно, воинство было изрядным. «Огненный наряд» его состоял из 200 пушек, четыре из них были настолько огромными, что каждую из них на позиции устанавливала тысяча человек. Естественно, осады даже пятидесятитысячного войска с двумя сотнями пушек Полоцк не мог выдержать никак, и 31 января 1563 года, после сокрушительного артиллерийского удара, спасаясь от пожаров, полочане сдались на милость московского великого князя. Милость, правда, была своеобразной – царь раздал полочан в неволю своим боярам, а евреев, отказавшихся принять святое причастие, утопил в Двине. Правда, таких фанатов иудаизма оказалось немного – Хроника Быховца насчитывает оных около двухсот человек.

Новость о захвате Полоцка Жигимонт Август получил на

сейме в Вильно; там было решено созвать «посполитое рушэнне» (всеобщее ополчение шляхты Княжества) и обсуждены предварительные условия унии с Польшей, ибо все руководители страны понимали, что с грозящим нашествием в одиночку Княжество не справится. Правда, грядущую Унию заседающие в Вильно вожди видели несколько своеобразной. Литвины хотели равноправия – общий для короны и княжества правитель, выбираемый совместно поляками и литвинами, на общих сеймах решаются дела, которые касаются двух государств, внутренние вопросы рассматриваются на своих, все прежние структуры сохраняются. Но поляки, естественно, от такого взгляда на унию отказались – Литва должна была признать себя владением Польши.

Для того, чтобы дело в Вильне шло веселее, поляки пошли на подлог, выдали фальшивый рецес (сеймовое постановление), в котором написали, что произошло объединение «двух народов – Польского и Литовского – в один народ, одно тело, и поэтому телу устанавливается одна голова и один правитель и также одна общая рада»

Литвины же, со своей стороны, решили быть хитрее поляков; они, как они думали, нашли выход из сложившегося положения – на сейме в Бельске литовская Рада одобрила проект своего нового статута, где ликвидировались наследственные права великого князя на великое княжество, «в котором они, яко люде вольные, обираючи извечных стародавна из своих предков себе панов и господарей великих вольно

князей литовских». Тем самым литовские магнаты уничтожили наследственные права Жигимонта Августа на Литву, а Унию тем самым делали делом временным – на период жизни Жигимонта. Он вынужден был согласиться с этим артикулом 1 июня 1564 года – но, на самом деле, никакого значения хитроумное решение литовских магнатов уже не имело. Потому что поляки делают исключительный по эффективности (и столь же бесчестный) ход – они предлагают сеймикам Восточной Галиции (Западную со Львовом и Перемышлем они захватили ещё в 1344 году), Волыни, Киевского и Брацлавского воеводств (то есть ВСЕМ землям ВКЛ южнее Припяти, на которых проживает две трети всего населения княжества) принять польское подданство, гарантируя тамошней шляхте все вольности, что к этому времени господствующий слой имеет в Польше. То есть вместо номинального права избирать великого князя и тяжелой обязанности участвовать в войне – украинской шляхте (в подавляющем большинстве тогда – *православной*) предлагается получить массу льгот и привилегий за пустяк – измену своему суверену.

ВСЕ сеймики юга княжества принимают решение отойти к Польше!

Самые отчаянные головы среди поляков на этом не останавливаются. Наиболее ярые сторонники инкорпорации предлагают привести Литву к унии оружием, присоединить к Польше Ливонию, отменить литвинские сеймы и уряды, дать Литве вместо герба «Погоня» польского одноглавого

орла, а саму ее назвать просто, без изысков – «Новой Польшей».

Правда, на войну с магнатами Великого княжества, продолжающими отстаивать независимость своей страны, Жигимонт Август не решился, но 12 марта выдал универсал о переходе к Польше Волыни и Подолии. Игра была сыграна – без украинских воеводств (без их продовольственных, оружейных и людских ресурсов) война одного Великого княжества с Москвой превращалась в заведомое избиение младенцев – посему литовская делегация, сжав зубы, направилась в Люблин, в свою Каноссу.

27 июня 1569 года была заключена уния. Ян Ходкевич, выступавший от имени литвинской делегации, горько сказал, обращаясь к своему князю: «Мы уступаем, но мы уступаем не какому-нибудь декрету, а воле вашей королевской милости, как исполнителя законов и общего государя, которому мы все присягали».

Условия унии означали – одно правительство, один сенат, один сейм, одна печать, один деньги. Литвины отстаивали только титул великого князя литовского (уже без «Русского», ибо «Россия», украинские воеводства, отошла Польше) и отдельные от Польши государственные уряды, свое войско и суд. 1 мая акт Люблинской унии был обнародован. Этот день стал днем рождения нового государства, Речи Посполитой – федеративного союза Королевства Польского и Великого княжества Литовского. И грозным предупреждением

прозвучали слова первого правителя Речи Посполитой Жигимонта Августа при закрытии сейма: «Старайтесь о том, чтобы в государствах не слышалось, как раньше, плача и стонув, ибо когда в них не будет справедливости, они не только долго не продержатся, но Бог отвергнет их».

Жигимонт Август понимал несправедливость унии и начал уже думать, как исправить свою вину перед Литвой – хотел присоединить к ней Мазовию. Но сил у него уже не было. 7 июля 1572 г. смерть забрала последнего польского наследственного монарха. И уже очень скоро, всего через двести лет, Бог, как и предрекал последний Ягеллон, отвернулся от Польши...

* * *

Закат Первой Речи Посполитой отнюдь не был связан с действиями внешних сил, как об этом любят поговорить польские историки – в крахе Польской державы как раз так преуспели силы внутренние. А именно – главным гробовщиком своей страны стала шляхта Королевства Польского (вкуче с их коллегами из Великого княжества Литовского; те тоже приложили руку к крушению общего государства, Речи Посполитой).

Польша, начиная со смерти последнего короля из династии Ягеллонов в 1572 году, установила у себя обычай избирать короля на сейме. А избранный шляхтой король ну

при всем желании никак не мог сократить до абсурда шляхетские вольности, опиравшиеся на колоссальную земельную собственность, им же этой шляхте и переданной в беспокойной Украине! Достаточно вспомнить действовавшее с 1652 по 1764 год право «либерум вето», когда один упившийся вусмерть или подкупленный делегат мог заблокировать решение всего сейма, выкрикнув пресловутое «Не позволям!» – таким путем была сорвана работа 48 из 55 состоявшихся в указанный период сеймов. Законодательный орган государства зависел от воли одного единственного депутата, избранного в каких-нибудь занюханых Залещиках или Бродах!

Но «либерум вето» было не единственным правовым нонсенсом Речи Посполитой.

* * *

Законным юридическим действием были конфедерации – собрания магнатов и шляхты, которые могли объявлять так называемый рокош (мятеж), то есть вполне легально развязывать гражданскую войну. А как же! Шляхта – хозяин Речи Посполитой, ее желания (в том числе желание слегка повоевать между собой) – священны и неприкосновенны! В результате, сколько бы ни хорохорились гордые шляхтичи, крича, что «Польша сильна раздорами!», разрушающийся механизм польской государственности, и без того довольно

хлипкий, все эти годы неуклонно стремился к саморазрушению. Так что обвинять соседские государства в гибели своей страны польская шляхта имела такие же основания, как и пятна на Солнце.

* * *

Россия была не виновна в крахе анархического и разудалого Польского государства. А вот помочь Первой Речи Посполитой почить в бозе – Россия, безусловно, помогла. Равно как и Австрия, и Пруссия. Был бы только повод – а прибрать к рукам почти бесхозное имущество Польского государства желающие имелись. А повод.... Да вот хотя бы права православных и протестантов, в католической Польше крепко урезанные – чем не повод вмешаться во внутренние дела хоть и скандального, но слабосильного соседа? Благо православные в России и протестанты в Пруссии – что называется, «титულიная конфессия», помочь единоверным братьям по другую сторону границы, как говорится, сам Бог велел.

А посему Россия и Пруссия потребовали от польской власти как-то по-хорошему решить вопрос с правами инакомыслящих («диссидентов», по-тогдашнему). Вмешательство во внутренние дела? Безусловно. Защита СВОИХ национальных меньшинств на территории чужого государства, бессовестно их угнетающего? Так точно. Повод для террито-

риальных претензий? Именно так. Причина для взятия под руку православного царя (немецкого кайзера) угнетаемых поляками единоверцев? Бесспорно.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ Речи Посполитой можно рассматривать и как неспровоцированную агрессию двух мощных империй против одной слабой республики, и как избавление единоверцев по ту сторону границы от религиозного и национального гнёта – и, что характерно, обе эти точки зрения равно справедливы и равно имеют право на существование. В русских и немецких школах этот раздел **ВСЕГДА** будет преподаваться иначе, чем в школах польских – и это, дорогой читатель, совершенно нормально. Поэтому оставим вопрос о справедливости этого межгосударственного акта университетским профессорам – для нас важно другое. А именно – по каким причинам этот раздел вообще **МОГ СОСТОЯТЬСЯ?**

Отчего-то считается, что проблема диссидентов Речи Посполитой (то есть ее русского православного населения, лишенного каких-либо политических прав на основании конфессионального несоответствия католическому нобилитету этого государства) послужила Екатерине II лишь поводом к пресловутым «Разделам Речи Посполитой», а подлинной причиной было её неуёмное желание «покончить с Польшей»

Решительно с этим не соглашусь.

Проблема диссидентов возникла не вдруг – корни дискри-

минации не католиков в ВКЛ и Речи Посполитой лежат в самом начале истории Княжества. Среди наиболее известных документов, начавших ущемление прав православных – грамота великого князя Литовского и Русского Ягайло о привилегиях перешедшей в римо-католицизм шляхте 1387 года; договор между ВКЛ и Польшей 1401 года, в котором закреплялась монополия на политические и экономические права римо-католиков, запрещались браки между католиками и православными; постановления Городельского сейма 1413 г., развивавшего дискриминационные положения вышеуказанных документов. В частности, согласно Городельскому привилею 1413 г., право занимать государственные должности предоставлялось только шляхтичам-католикам.

Новоиспеченный польский король Ягайло (в Кракове ставший Владиславом) при восшествии на польский престол объявил государственной религией Великого княжества Литовского римо-католицизм, лишив Православную церковь покровительства государства. Он же учредил Виленскую католическую епархию, юрисдикция которой распространялась почти на все ВКЛ, наделил костел привилегиями, богатыми жалованиями (в т. ч. и земельными) и открыл путь неограниченному прозелитизму католиков на канонические православные территории. Данный процесс, что и следовало ожидать, интенсифицировался с 1569 г., с момента окончания суверенного существования Великого княжества Литовского, Русского и жамойтского.

С этого времени положение Православия и православных русских (которые в едином государстве уже были меньшинством) в Речи Посполитой становится критическим. Если ремесленники в городах объединялись в православные братства, способные хоть как-то защитить интересы Церкви в условиях всевозрастающей дискриминации, то крестьяне стали всецело собственностью магнатов-католиков, переводивших своих крепостных в латинство. Аристократические фамилии Западной Руси стремительно переходили в католичество ради получения привилегии и должностей.

Когда же королем Речи Посполитой стал фанатичный католик Сигизмунд III Ваза, участь Православия в Польше была решена.

На Правобережной Украине и Литве положение православных было ужасающим. После воссоединения Левобережья с Россией польское политическое руководство стало видеть именно в русском православном населении Литвы главного виновника политических неудач Речи Посполитой. При короле Яне Собесском (1674–1696 гг.) вновь были даны особые привилегии униатам (о которых речь пойдет ниже), а у православных отнята почти вся их собственность. Захваты храмов и монастырей, насильственное обращение в унию, убийства православных мирян и священников вновь стали

обычным явлением. Православным было запрещено покидать пределы королевства, а их собратьям из других стран был запрещен выезд в Польшу. Безумная политика фанатиков католицизма привела (в условиях общего кризиса польского государства) к полному отторжению русским православным населением Литвы польского короля как своего суверена и неприятию Речи Посполитой как Отечества. А если добавить сюда тот факт, что уже восточнее Смоленска лежало государство, где русский православный народ был народом государствообразующим, народом главным и основополагающим, где православие было государственной религией – положение русских в Литве казалось им еще горше.

Понятно, что со стороны польских королей конечной целью этого беспрецедентного давления на русское православное население Литвы являлось полное окатоличивание православных, церковная уния являлась не более чем переходным периодом. Как реакция на данный процесс со стороны простого люда, явился рост православных братств и их школ – в Могилеве, Минске, Слуцке, Пинске, Вильно и др. городах. О накале противостояния красноречиво говорят народные восстания в Минске, Полоцке, Бресте, Витебске, Орше, других городах и деревнях в 1599, 1601, 1618, 1621, 1627, 1633, 1646, 1653 гг... Одним из крупнейших из них было восстание в г. Витебске в 1623 г., носившее ярко выраженный антипольский, антикатолический и антиуниатский характер. Вызвано оно было крайней жестокостью мер по

насаждению унии – в частности, униатским архиепископом Иосафатом Кунцевичем: доходило до того, что могилы православных по приказу Кунцевича раскапывались, а останки бросались собакам. В ходе восстания архиепископ был убит, а восстание жестоко подавлено польским королем по требованию Ватикана. Позднее И. Кунцевич был признан Ватиканом святым мучеником.

Политика откровенного геноцида православного населения не прекратилась и после кровопролитной войны Польши с восставшей под руководством Богдана Хмельницкого Малороссии. В 1664 г. униатский епископ Якуб Суша отправил в Рим жалобу на политику польских властей: по мнению епископа, официальный курс был направлен на окончательное слияние униатов в лоне католицизма. То есть направленность королевской политики вызывала серьезные опасения даже у униатских иерархов.

* * *

В первой половине XVII в. православные Литвы и западнорусское православное духовенство еще пытались хоть как-то противостоять репрессиями со стороны властей, вдохновляемых Ватиканом. В 1625 г. православные в очередной раз жалуются на насилия со стороны католиков и униатов в Сейм Речи Посполитой. Однако бесплодность различного рода попыток вызвали у многих отчаяние – со второй половины то-

го же века начинается настоящий ИСХОД православных в Московию.

Уходят целыми селениями, монастырями. В 1664 г. монахи Кутейнского монастыря во главе с игуменом бегут в Россию, увозя с собой типографию; в том же году уезжает в Москву Симеон Полоцкий. В войнах между Речью Посполитой и Московией западнорусское население активно помогает москвитам и украинским казакам. Все эти факты несколько не озадачили короля и сейм. В 1668 г. Ян Казимир ограничивает права православного митрополита, а Сейм обсуждает решение о насильственной депортации перешедших в православие из католичества и униатства (это уже не этнические; это конфессиональные чистки!).

С началом XVIII в., вошедшего в историю Речи Посполитой как период «золотой вольницы шляхты», тотальное давление на православие усиливается. В 1717 г. в Сейме Речи Посполитой разработан проект ликвидации и православия, и униатства – с целью расширения влияния костела. Вскоре образовавшаяся Конфедерация в 1732 г. добивается окончательной ликвидации политических прав западнорусской православной шляхты. С 1766 г. в Сейме вообще запрещено выступать в защиту православия. В то же время (60-е гг. XVIII в.) в Речи Посполитой наблюдается мощное народное движение за выход из унии и переход в православие как естественный ответ русских православных на столь вопиющее давление со стороны польских властей (к этому време-

ни власть становится именно ПОЛЬСКОЙ, и для русского православного населения Литвы она вообще превращается во власть ОККУПАЦИОННУЮ)

* * *

Но беспредел польской короны на русских землях Литвы не может длиться вечно – рано или поздно, но это незаконное должно было быть остановлено. И в первую очередь – Россией, ставшей к этому времени одним из ведущих европейских государств.

Россия начинает действовать – сначала косвенно.

Со смертью Августа III (октябрь 1763 г.) русская императрица и прусский король поддержали общего кандидата в польские короли – Станислава Августа Понятовского, заключили в Петербурге в 1764 г. договор о союзе. В том же году Понятовского избрали королем, несмотря на противодействие Франции, Австрии, Испании и Саксонии. Одним из условий выдвижения Понятовского на престол Речи Посполитой Екатерина II жестко поставила условие прекращения насилий над русским православным населением Литвы со стороны польских властей.

Уступая ультимативным требованиям России, сейм был вынужден 24 февраля 1768 года предоставить «диссидентам» равные права с католическим населением Польши. Это сразу же вызвало бешеную реакцию шляхты, привыкшей ви-

деть в православных украинцах и белорусах бесправное быдло. С оружием в руках отстаивать священное право издеваться над «схизматиками» шляхта начала тут же, причем весьма активно.

* * *

Уже 29 февраля 1768 года в городе Бар была созвана так называемая «Барская конфедерация», которая объявила короля Станислава Августа Понятовского низложенным. Мятежников активно поддерживали Франция и Австрия. В свою очередь, Понятовский обратился за помощью к России. Посланные Екатериной II войска нанесли ряд чувствительных поражений конфедератам. Заметим – де-юре русские являлись союзниками законной власти, призванными последней для подавления мятежа, и никак агрессорами не являлись (и являться не могли, по определению).

Тем не менее, подстрекаемый Францией, турецкий султан Мустафа III потребовал вывести русские войска из Польши и прекратить поддержку «диссидентов» – хотя какая разница мусульманской Турции, равные права у католиков с православными, или первые нещадно ущемляют вторых – было непонятно. И те, и другие для турков были «райя», «стадо», неверные, одним словом. Но вот, поди ж ты, 6 октября 1768 года именно на этом основании Турция объявила войну России!

В качестве благодарности турецким союзникам после победы над Россией барские конфедераты обещали Киев, себе же поляки собирались взять Смоленск, Стародуб и Чернигов. Скромно и со вкусом. Странно, что Москву они все же решили оставить русским.

Нужно было незамедлительно погасить костер польской междоусобицы – причем сделать это решительно и энергично. 15 мая 1769 года в Польшу, в качестве наиболее эффективного инструмента для острастки мятежных шляхтичей, был направлен А.В.Суворов. Будущий генералиссимус одержал серию блестящих побед над конфедератами, увенчавшуюся капитуляцией Краковского замка, и привел неугомонных поляков в чувство.

* * *

Однако положение России оставалось сложным. Боевые действия против Турции, хотя и успешные для русской армии, стоили слишком дорого – попробуй, прокорми и снабди хотя бы минимумом снаряжения войска на краю земли! Не говоря уж о снабжении их боеприпасами – железных дорог тогда не было, все полторы тысячи верст от провиантских магазинов в Брянске до линии фронта у Кишинева припасы везли на волах.

Ситуацию в России усугубляло начавшееся восстание Пугачева. В этих условиях, чтобы нейтрализовать враждебную

позицию Австрии, Екатерина II согласилась на предложенный прусским королем Фридрихом II частичный раздел территории Речи Посполитой, который и состоялся 25 июля (5 августа) 1772 года. В результате Россия вернула захваченные в эпоху ордынского ига Литвой и Польшей земли с преобладающим православным населением: правый берег Западной Двины и Восточную Белоруссию (Полоцк, Витебск, Могилев). Австрия присоединила Галицию (хотя была католическим государством и никаких диссидентов в Польше защищать не собиралась), Пруссия урвала кусок собственно польской территории (но с преобладающим протестантским населением). В следующем году польский сейм благо разумно утвердил итоги раздела, причиной которого стала исключительно религиозная нетерпимость польской шляхты.

* * *

Теперь Россия несколько увереннее начала играть на «польском клавесине». В деле управления польским государством русский посол в Варшаве стал гораздо более значимой фигурой, чем продолжавший сидеть на престоле Станислав Август Понятовский. Понятно, что большинство шляхтичей такое положение никак не устраивало, и они ждали только случая, чтобы учинить мятеж и смертоубийство с конечной целью... вот с целью у шляхты как раз были серьезные разногласия. Впрочем, то, что против России надо

непрерывно бунтовать – в этом сходились все.

В конце 1780-х гг. казалось, что настал благоприятный момент. К этому времени Россия находилась в тяжелейшей ситуации, так как была вынуждена вести боевые действия на два фронта: в 1787 году началась война с Турцией, в 1788 – со Швецией. Шведский флот угрожал Петербургу.

«Грех упускать подобный шанс, история нам этого не простит» – так подумали паны из «патриотической партии» в польском сейме. И попыталась избавиться от ненавистной русской опеки. По требованию польского правительства с территории Речи Посполитой были выведены предназначенные для снабжения Дунайской армии склады продовольствия и снаряжения. России пришлось отказаться от удобного пути переброски войск на турецкий фронт. Вновь начались гонения на православных: был арестован и брошен в тюрьму епископ Переяславский, являвшийся русским подданным. Более того, вопреки воле духовенства и верующих, сейм обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой взять под свою руку православную церковь Речи Посполитой, входившую в область церковного управления Синода Русской Православной Церкви. Наконец, 29 марта 1790 года был подписан явно антироссийский прусско-польский договор о взаимопомощи.

22 апреля (3 мая) 1791 года сейм принял новую конституцию – как горделиво подчеркивают поляки, первую на европейском континенте; согласно этой Конституции «либерум вето» отменялось, в стране вводилась наследственная монархия – причем после бездетного Понятовского престол должен был занять курфюрст Саксонский Фридрих-Август III. Опоздав лет на триста, поляки решили по-быстрому ввести у себя твердую государственную власть и образцовый порядок, этим сохранив свое государство от поползновений более сильных соседей. Соседи такому пассажи удивились. И несколько озлобились.

Прекращение традиционной анархии и, пусть даже гипотетическое, укрепление польской державы были России, Пруссии и Австрии совершенно ни к чему. Тем более, по словам Екатерины II: *«По непостоянству сего народа, по доказанной его злобе и ненависти к нашему, по изъявлявшейся в нем склонности к разврату и неистовствам французским, мы в нем никогда не будем иметь ни спокойного, ни безопасного соседа иначе как приведя его в сущее бессилие и немогущество»*.

Однако Россия, чьи руки были связаны войной, была вынуждена до поры до времени терпеть враждебные действия поляков. Так, в инструкции, данной Екатериной II 25 сен-

тября 1790 года новому посланнику в Польше Я.И. Булгакову, говорилось: *«Имею вам предписать не иное что, как только чтоб вы продолжали тихим, скромным и ласковым обхождением привлекать к себе умов, пока наш мир с турками заключен будет».*

Одновременно русская императрица готовилась к «окончательному решению польского вопроса». Свою позицию она недвусмысленно высказала в записке от 4 декабря 1791 года, адресованной Коллегии Иностранных дел:

«Все, что противно нашим трактатам с Польшею, противно нашему интересу... Я не соглашусь ни на что из этого нового порядка вещей, при утверждении которого не только не обратили никакого внимания на Россию, но осыпали ее оскорблениями, задирали ее ежеминутно. Но если другие не хотят знать Россию, то следует ли из этого, что Россия также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господам членам Иностранной коллегии, что мы можем сделать все, что нам угодно в Польше».

* * *

Наконец 29 декабря 1791 (9 января 1792) года был заключен долгожданный Ясский мир с Турцией. Еще раньше, в 1790 году, закончилась русско-шведская война. Высвобожились значительные контингенты русской армии – самого надежного внешнеполитического инструмента Российской

империи. И, замирившись с серьезными внешними врагами, Россия весной 1792 года решила разобраться с неугомонной соседской шляхтой.

Надо сказать, поляки в это время все же пытались хоть что-то сделать для спасения Ойчизны. В 1788 году собрался Сейм, и вместо обычных двух-трех недель – проработал 4 (ЧЕТЫРЕ!) года. Он создал Конституцию (3 мая 1791 года – теперь это в Польше Большой Государственный Праздник), ввел много чего полезного и нужного; вот только полезными и нужными все нововведения Четырехлетнего Сейма были лет сто назад. Слишком долго Польша была махровой шляхетской анархией, слишком долго упивалась свободой своей аристократии (да что там аристократии – занюханной загоновой шляхты!), слишком долго частные интересы магнатов были «всем», а государственные интересы – «ничем».

Да, Четырехлетний Сейм отменил *liberum veto*, рокош и конфедерации, декларировал создание стотысячной регулярной армии (не определив, впрочем, источники её финансирования); король присягнул на Конституции, и все поляки с облегчением вздохнули – появился шанс на сохранение единства Короны.

Ага. Два раза.

В местечке Тарговицы под Уманью (нынче Черкасская область Украины) собрались Три Предателя Польского Народа – три магната, Ксаверий Браницкий, Стефан Ржевусский и Феликс Щенсный-Потоцкий. Прочитав присланный им с

нарочным из Петербурга текст Акта конфедерации (который, по слухам, редактировала сама Екатерина II), они согласились этот акт подписать и учудить эту самую конфедерацию – целью которой было Конституцию 3 мая превратить в кусочек бумаги и вернуть ситуацию в Польше в status quo – и, забыв о разных конституциях, как о страшном сне, вновь окупаться в «золотой век шляхетской вольности».

Польские учебники утверждают, что в день подписания Акта конфедерации, 14 мая 1792 года, польскую границу перешли «проклятые москали». Они де и поставили жирную точку в истории Обновленной Польши – проклятые варвары с Востока!

На самом деле русские войска перешли польскую границу через две недели, и не как подавители польской вольности, а как миротворцы – ибо Екатерина II в свое время обязалась хранить мир и покой в Польском государстве. А что касается поражений войск, верных сейму – то эти поражения являются исключительно заслугой конфедератов. Да к тому же и Станислав Август Понятовский, правда, после мучительных колебаний – поддержал Трех Предателей Польского Народа – очевидно, именно поэтому его прах не удостоен находиться в Катедре на Вавеле.

Россия направила в Польшу свои войска – официально как союзников законного короля. Уже к середине июня русские контролировали практически всю территорию Речи Посполитой. Что же касается Пруссии, то вместо «взаимопо-

мощи» сомнительным польским инсургентам она предпочла иметь дела с солидным, самостоятельным государством – и предложила России новый раздел Польши, который и состоялся 9 апреля 1793 года. На этот раз Россия получила Белоруссию (Минск, Слуцк, Пинск) и Правобережную Украину, а к Пруссии отошли Гданьск, Торунь, Познань и значительная часть Великой Польши.

* * *

Уязвленное самолюбие шляхтичей не могло смириться с национальным унижением, и 13(24) марта 1794 года страну охватило восстание под предводительством Тадеуша Костюшко. Реакция понятная и, без всякого ёрничанья, вызывающая уважение – пусть безнадежно опоздав, но поляки все же попытались спасти независимость своего государства.

Сперва восставшим сопутствовал успех: 6(17) апреля они заняли Варшаву, устроив там беспощадную резню русских. Конечно, современная польская история об этом прискорбном событии стыдливо умалчивает – но этот факт подтверждают независимые источники, например – секретарь прусского посольства в Варшаве.

Однако 14 августа 1794 года в Польшу во второй раз (и опять – отнюдь не в качестве туриста) прибыл Суворов, и лавочка закрылась. Поляки начали терпеть одно поражение за другим, под Матеёвицами объединенными русско-прус-

скими войсками Ферзена была разбита польская полевая армия (раненый Костюшко был взят в плен русскими гусарами), и 24 октября (4 ноября) Суворов взял штурмом Прагу – укрепленное предместье Варшавы, после чего конфедераты сложили оружие и капитулировали. За этот успех Александр Васильевич был произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен главнокомандующим русскими войсками в Польше.

* * *

Взятие Праги в позднейших польских околоисторических изысканиях обросло душераздирающими подробностями. Как русские grenадеры насаживали на штыки грудных детей и с дьявольским хохотом вспарывали животы беременным варшавянкам, и прочими жуткими сценами насилий и ужасов. То, что ничего подобного не было – не нуждается в доказательствах. Военная пропаганда – она и есть военная пропаганда. Но то, что эти жуткие байки дошли до наших дней – говорит о том, что полякам есть за что платить по русским счетам, и рассказы о зверствах суворовских солдат есть способ эти счета как-то аннулировать. И особенно прискорбно, что подобные бредни с удовольствием подхватывает иногда и «россиянская демократическая» пресса и псевдоисторическая наука. Не пороли в детстве этих писак, а зря!

В октябре 1795 года состоялся третий (и последний донapoлеоновский) раздел Польши. Россия получила Западную

Волынь, Западную Белоруссию (где жили уже главным образом униаты), Виленский край и Курляндию (где тоже православными и не пахло). Исконно польские земли были поделены между Австрией и Пруссией. Станислав Август Понятовский отрекся от престола. Речь Посполитая прекратила свое существование.

Россия по первым трем разделам Польши не получила ни пяди собственно польских этнических территорий.

* * *

Эпитафией на надгробном камне Первой Речи Посполитой могут стать слова поэта и участника войны 1812 года Федора Николаевича Глинки (между прочим, по происхождению литовского шляхтича): *«Тем ли думать о свободе, которые, раздвинув прежде на столь обширное пространство пределы земли своей, лежащей по несчастью в самой середине Европы, и огорчив через то большую часть держав, вдруг предались праздному бездействию извне и раздорам внутри? Роскошь, пороки и нововведения нахлынули к ним со всех сторон. Древние нравы истлели. Твердость духа развеялась вихрями нового образа жизни. Народ оцепенел. Вельможи уснули. Но государство, засыпающее на цветах, пробуждается обыкновенно бурями. Нет! Не это земля свободы!»*

Глава вторая

Под чужими орлами (1795-1918)

* * *

Когда в июне 1812 года в пределы России вторглась Великая Армия, среди войск стран-сателлитов Бонапарта (Герцогство Варшавское формально было самостоятельным государством под «патронажем» Французской империи) польский контингент оказался самым многочисленным, превосходя своим многолюдством полки и бригады десятка немецких «союзных» княжеств, королевств и прочих курфюршеств. В поход под командой маршала Понятовского (справедливости ради надо отметить, что польский главком стал маршалом Франции через год после Русской кампании), родственника последнего польского короля, двинулась вся полевая армия герцогства Варшавского. А это, ни много, ни мало, 17 пехотных и 16 кавалерийских полков общей численностью в 60 тыс. солдат и офицеров. Надо отметить, что в русской армии полков, сформированных в бывшей Польше, было впятеро меньше! Еще около 10 тыс. насчитывали

польские формирования, включенные в состав собственно французской армии: 1-й уланский полк Конной гвардии, 8-й уланский полк, а также 4 полка поляков-ветеранов – так называемый «Легион Вислы», входивший в Молодую гвардию Наполеона.

Кроме того, на оккупированных территориях Литвы и Белоруссии, спешно провозглашенных «Великим княжеством Литовским», были сформированы воинские части из местных поляков и белорусов-католиков общей численностью около 20 тыс. человек, в том числе и 3-й уланский полк Конной гвардии. Создание последнего должно было подчеркнуть доверие, оказываемое Наполеоном местной литовской (то бишь белорусской) шляхте.

Большие надежды Наполеон возлагал на использование польской легкой кавалерии – имевшей богатую историю сражений и побед. Однако польские кавалеристы не отличились особой храбростью и расторопностью. Уже в начале войны в авангардных кавалерийских боях при Мире 9-10 (21-22) июля и Романове 14(26) июля дивизии генералов А.Рожнецкого и Я.Каминского были наголову разбиты казаками Платова, прикрывавшими отступление армии генерала Багратиона.

Особенно бесславно закончился боевой путь сформированного бригадным генералом Ю.Конопкой 3-го гвардейского уланского полка, который был без особых усилий уничтожен 20 октября в Слониме русским рейдовым отрядом гене-

рал-майора Е.И. Чаплица. Литовские гвардейские уланы были даже не перебиты и не взяты в плен, а просто разбежались.

Впрочем, во многих случаях польские войска, вновь, казалось, обретшие Родину, дрались за интересы своего нового хозяина храбро и упорно, проявляя недюжинную смелость и отвагу. Польская кавалерия вообще считалась в армии Наполеона идеалом этого рода оружия, а польская пехота проявила массовый героизм в Смоленском сражении, понеся в нём огромные потери. Да и в Бородинском сражении поляки отнюдь не отсиживались в обозах – в том сражении они потеряли до 40 % своего состава. Польские пехотинцы дивизий Я. Домбровского и Ж. Жирара отличились и при трагическом отступлении «Великой армии», в частности, на Березине, прикрывая переправу своих товарищей по оружию.

В результате отправившиеся покорять Россию польские покорители обильно усеяли своими телами русские просторы. Вот что писал по этому поводу в обращении к жителям Гродно герой Отечественной войны Денис Давыдов, вступивший в этот город 9 декабря 1812 года и назначенный его комендантом:

«Господа поляки! В черное платье! Редкий из вас не лишился ближнего по родству или по дружбе: из восьмидесяти тысяч ваших войск, дерзнувших вступить в пределы наши, пятьсот только бегут восвояси, прочие – валяются по большой дороге, морозом окостенелые и засыпанные снегом

русским...»

Справедливости ради надо отметить, что на самом деле из негостеприимной России тогда смогли удрать не 500, а целых 10 тысяч недобитых польских вояк.

Далее Денис Давыдов сурово предостерегал местное население от возможных антирусских провокаций:

«Я вижу на лицах поляков, здесь столпившихся, и злобу, и коварные замыслы; я вижу наглость в осанке и вызов во взглядах; сабли на бедрах, пистолеты и кинжалы за поясами. Зачем все это, если бы вы хотели чистосердечно обратиться к тем обязанностям, от коих вам никогда не надлежало бы отступить?...один выстрел – и горе всему городу! Невинные погибнут с виновными... Все – в прах и в пепел!»

Можно не сомневаться, что прославленный поэт-партизан (бывший, между прочим, отчаянным рубакой и безнадежным разгильдяем) привел бы свою угрозу в действие. Посему поляки сочли за лучшее не дразнить «русского медведя», и никаких эксцессов за время комендантства в Гродно полковника Давыдова так и не случилось.

* * *

Но поляки и литовцы сражались не только под французскими знаменами – в составе русской армии также имелись полки, набранные в Литве и Белоруссии – сражавшиеся весьма успешно. Правда, Гродненский гусарский полк

непосредственного участия в боях не принимал – он в составе армии Беннигсена прикрывал Санкт-Петербург, составив часть той кавалерийской завесы, что не позволила французам двинуться севернее Полоцка и Двинска. А вот Татарский уланский полк (сформированный из татар – жителей Литвы) в составе той же армии принимал участие в боях у Полоцка. Другой гусарский полк, Белорусский, состоял в Дунайской армии, которая в тревожную осень 1812 года сторожила южные рубежи новоприобретенных русских владений в Новороссии – турки вполне могли бы, воспользовавшись нашим тяжёлым положением, забыть о Бухарестском мире и вновь попробовать Россию на излом. Но этому полку все же удалось прославить свои знамена в войне с Наполеоном – он принял участие в Заграничном походе русской армии, отличился в битве у Кацбаха – за что награжден знаком на кивера «За отличие 14 августа 1813 года».

Белорусские полки храбро сражались с врагом при Бородине.

В рядах 1-й Западной армии (Баркляя-де-Толли), занимавшей правое крыло и центр русской позиции – удар врага приняли Минский пехотный (2-я бригада 4-й пехотной дивизии принца Евгения Вюртембергского, входившая в состав 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Багговута), 4-й егерский, Брестский пехотный (1-я бригада 17-й пехотной дивизии) полки, Полоцкий и Лепельский пехотные полки, составившие 2-ю бригаду 11-й пехотной дивизии 4-го пе-

хотного корпуса; в составе 5-го пехотного корпуса, 2-ой бригады Гвардейской дивизии – лейб-гвардии Литовский полк; в составе 2-го резервного кавалерийского корпуса – Польский уланский полк.

В составе 2-й Западной армии (Багратиона), образовавшей левый фланг позиции – с французами сражались 6-й егерский, Виленский пехотный (2-я бригада 27-й пехотной дивизии 8-го пехотного корпуса) и Литовский уланский (3-я бригада 4-го резервного кавалерийского корпуса) полки.

Кстати, в истории белорусской кавалерии, принявшей участие в составе русской армии в войне с Наполеоном, есть один забавный эпизод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.